

Его судили за кражу и приговорили на год в тюрьму. Меня поразило и то, как этот старик держал себя на суде, и самая обстановка преступления. Я добился свидания с осужденным. Сначала он дичился меня, отмалчивался, наконец, рассказал мне свою жизнь.

5 — Вы правы, — начал он, — я видал лучшие дни, не всегда был уличным горемыкой, не всегда засыпал в ночлежных домах. Я получил образование, я — техник. У меня в юности были кое-какие деньжонки, я жил шумно: каждый день на вечере, на балу, и все кончалось попойкой. Это время я помню хорошо, до мелочей помню. Но есть в моих воспоминаниях пробел, и, чтобы заполнить его, я готов отдать весь остаток моих
10 дряхлых дней: это — все, что относится к Нине.

Ее звали Ниной, милостивый государь, да, Ниной, я убежден в этом. Она была замужем за мелким чиновником на железной дороге. Они бедствовали. Но как она умела в этой жалкой обстановке быть изящной и как-то особенно утонченной! Она сама стряпала, но ее руки были как выточенные. Из своих дешевых платьев она создавала
15 чудесный бред. Да и все повседневное, соприкасаясь с ней, становилось фантастическим. Я сам, встречаясь с ней, делался иным, лучшим, стряхивал с себя, как дождь, всю житейскую пошлость.

Бог простит ей грех, что она любила меня. Кругом было все так грубо, что она не могла не полюбить меня, молодого, красивого, знавшего столько стихов наизусть. Но где
20 я с ней познакомился и как — этого я уже не могу восстановить в своей памяти. Вырываются из мрака отдельные картины. Вот мы в театре. Она, счастливая, веселая (ей это выпадало так редко!), впивает каждое слово пьесы, улыбается мне... Ее улыбку я помню. Потом вот мы вдвоем где-то. Она наклонила голову и говорит мне: «Я знаю, что ты — мое счастье ненадолго, пусть, — все-таки я жила». Эти слова я помню. Но что было
25 тотчас после, да и правда ли все это было с Ниной? Не знаю.

Конечно, я первый бросил ее. Мне казалось это так естественно. Передо мной была блестящая будущность, и я не мог связывать себя какой-то романтической любовью. Мне было больно, очень больно, но я пересилил себя и даже видел подвиг в том, что решился
30 перенести эту боль. Я слышал, что, Нина после того уехала с мужем на юг и вскоре умерла. Но воспоминания и разговоры о ней тогда так мучили меня, что я избегал всяких вестей. Я старался не думать о Нине. У меня не было ее портрета, не было ее писем, ничто мне не напоминало ее. И, понятно, я позабыл ее лицо, ее имя, всю нашу любовь, — понимаете, позабыл. Ее не стало в моей жизни, как если б совсем не было. Есть что-то постыдное для человека в этой способности забывать.

35 Шли годы. Уж не буду вам рассказывать, как я «делал карьеру». Без Нины, конечно, я мечтал только о внешнем успехе, о деньгах. Одно время я почти достиг своей цели, живал по границам, женился, имел детей. Потом все пошло на убыль; жена умерла; побившись с детьми, я их рассовал по родственникам и теперь, прости мне, Господи, даже не знаю, живы ли мои мальчишки. Разумеется, я пил. Основал было я одну контору — не удалось,
40 загубил на ней последние деньги и силы. Наконец, дошел я до того, чем вы меня ныне видите. Последние годы служил я месяцами, когда не пил, на заводах рабочим. А когда пил — попадал на Хитров рынок и в ночлежки. Озлобился я на людей страшно, и все мечтал, что вдруг судьба переменится и я буду опять богат. Своих новых товарищей за то и презирал, что у них этой надежды не было.

45 Так вот однажды, продрогший и голодный, брожу я по какому-то двору, уж сам не знаю зачем, случай привел. Вдруг повар кричит мне: «Эй, любезный, ты не слесарь ли?» — «Слесарь», — отвечаю. Позвали меня замок в письменном столе исправить. Попал я в роскошный кабинет, везде позолота, картины. Поработал я, сделал, что надо, и выносит мне барыня рубль. Я беру деньги и вдруг вижу на столбике, на колонке, мраморную
50 головку. Сначала обмер, сам не зная почему, всматриваюсь и верить не могу: Нина!

55 Говорю вам, милостивый государь, что Нину я забыл совсем и тут-то именно впервые это и понял; понял, что забыл ее. Смотрю, сам дрожу и спрашиваю: «Позвольте узнать, сударыня, что это за головка?» — «А это, — отвечает она, — очень дорогая вещь, пятьсот лет назад сделана, в XV веке». Имя художника назвала — я не разобрал, сказала, что муж вывез эту головку из Италии и что через то целая дипломатическая переписка возникла между итальянским и русским кабинетами. «А что, — спрашивает меня барыня, — или вам понравилось? Какой у вас, однако, современный вкус! Ведь уши, — говорит, — не на месте, нос неправилен...» — и пошла и пошла!

60 Выбежал я оттуда, как в чаду. Это не сходство было, а просто портрет, даже больше — какое-то воссоздание жизни в мраморе. Скажите мне, каким чудом художник в XV столетии мог сделать те самые маленькие, криво посаженные ушки, которые я так знал, те самые чуть-чуть раскосые глаза, неправильный нос и длинный наклоненный лоб, из чего неожиданно получалось самое прекрасное, самое пленительное женское лицо? Каким чудом две одинаковые женщины могли жить — одна в XV веке, другая в наши дни? 65 А что та, с которой делалась головка, была именно одинакова, тождественна с Ниной, не только лицом, но и характером, и душой, я не мог сомневаться.

Этот день изменил всю мою жизнь. Я понял и всю низость своего поведения в прошлом, и всю глубину своего падения. Я понял Нину как ангела, посланного мне судьбой, которого я не признал. Вернуть прошлое невозможно. Но я с жадностью стал собирать воспоминания о Нине, как подбирают черепки от разбившейся драгоценной вазы. Как мало их было! Сколько я ни старался, я не мог составить ничего целого. Все были осколки, обломки. Но как ликовал я, когда мне удавалось обрести в своей душе что-нибудь новое. Задумавшись и вспоминая, я проводил целые часы; надо мной смеялись, а я был счастлив. Я стар, мне поздно начинать жизнь сызнова, но я еще могу очистить свою 70 душу от пошлых дум, от злобы на людей и от ропота на Создателя. В воспоминаниях о Нине я находил это очищение.

Страстно мне хотелось посмотреть на статую еще раз. Я бродил целые вечера около дома, где она стояла, стараясь увидеть мраморную головку, но она была далеко от окон. Я проводил ночи перед домом. Я узнал всех живущих в нем, расположение комнат, завел знакомство с прислугой. Летом владельцы уехали на дачу. И я уже не мог более бороться с своим желанием. Мне казалось, что, взглянув еще раз на мраморную Нину, я сразу вспомню все, до конца. Это было бы для меня последним блаженством. И я решился на то, за что меня судили. Вы знаете, что мне не удалось. Меня схватили еще в передней. На суде выяснилось, что я был в комнатах под видом слесаря, что меня не раз замечали подле 80 дома... Я был нищий, я взломал замки... Впрочем, история кончена, милостивый государь!

— Но мы подадим апелляцию, — сказал я, — вас оправдают.

— К чему? — возразил старик. — Никого мое осуждение не опечалит и не обесчестит, а не все ли равно, где я буду думать о Нине — в ночлежном доме или в тюрьме?

90 Я не нашелся, что ответить, но старик вдруг поднял на меня свои странные выцветшие глаза и продолжал:

— Одно меня смущает. Что, если Нины никогда не было, а мой бедный ум, ослабев от алкоголя, выдумал всю историю этой любви, когда я смотрел на мраморную головку?

Валерий Яковлевич Брюсов (1873 — 1924)
Мраморная головка. Рассказ бродяги. (1903)

В 1938 году Лев Гумилёв, сын Анны Ахматовой от брака с поэтом Николаем Гумилёвым, был снова арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Ахматова проводила по 17-19 часов в очереди в следственный изолятор «Кресты» с передачами для сына. В эпилоге поэмы «Реквием» поэт говорит об этих часах ожидания и вспоминает всех женщин, которые, как она, прошли через это испытание.

Анна АХМАТОВА

(1889, Одесса — 1966, Домодедово)

Реквием

ЭПИЛОГ

II

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

5 И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

10 Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

15 Пусть так же оне¹ поминают меня
В канун моего погребального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

20 Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

¹ Устаревшая форма местоимения 3-го лица множественного числа женского рода (онѣ).

Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

25 А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громохание черных марусь²,

30 Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,

35 И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

1940. Март
Фонтанный Дом

² Имеются в виду машины, на которых приезжали арестовывать людей.

А. П. Чехов. Чайка

Нина. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. *(Склоняется к столу.)* Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! *(Поднимает голову.)* Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну, да! *(Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.)* И он здесь... *(Возвращаясь к Треплеву.)* Ну, да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... *(Трет себе лоб.)* О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Треплев *(печально)*. Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Нина *(прислушиваясь)*. Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... *(Жмет ему руку.)* Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...

Треплев. Останьтесь, я дам вам поужинать...

Нина. Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя!

Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие
чувства,— чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните?
45 *(Читает.)* «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки,
молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых
нельзя было видеть глазом,— словом, все жизни, все жизни, все
жизни, свершив печальный круг, угасли. Уже тысячи веков, как земля
50 не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна
напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком
журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...»
(Обнимает порывисто Треплева и убегает в стеклянную дверь.)

Треплев (после паузы). Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и
55 потом скажет маме. Это может огорчить маму...

*В продолжение двух минут молча рвет все свои рукописи и бросает под
стол, потом отпирает правую дверь и уходит.*

60 *Дорн (стараясь отворить левую дверь).* Странно. Дверь как будто
заперта... *(Входит и ставит на место кресло.)* Скачка с
препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яков с бутылками и
65 *Маша, потом Шамраев и Тригорин.*

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда,
на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

70 *Полина Андреевна (Якову).* Сейчас же подавай и чай. *(Зажигает свечи,
садится за ломберный стол.)*

Шамраев (подводит Тригорина к шкапу). Вот вещь, о которой я давеча
говорил... *(Достает из шкапа чучело чайки.)* Ваш заказ.

75 *Тригорин (глядя на чайку).* Не помню! *(Подумав.)* Не помню!

Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

80 *Аркадина (испуганно).* Что такое?

Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь
лопнуло. Не беспокойтесь. *(Уходит в правую дверь, через полминуты*

возвращается.) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. *(Напевает.)* «Я
85 вновь пред тобою стою очарован...»

Аркадина (садясь за стол). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как...
(Закрывает лицо руками.) Даже в глазах потемнело...

90 *Дорн (перелистывая журнал, Тригорину).* Тут месяца два назад была
напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить,
между прочим... *(берет Тригорина за талию и отводит к рампе)...* так
как я очень интересуюсь этим вопросом... *(Тонем ниже, вполголоса.)*
95 Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что
Константин Гаврилович застрелился...

Занавес